

ТЕАТР ИМЕНИ ВАХТАНГОВА

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Ровно пятнадцать лет назад, 13 ноября 1921 года, 3 студия Московского художественного театра перенесла свои спектакли на новую, только что отремонтированную сцену. Был открыт театр имени Евгения Вагратионовича Вахтангова, основателя и руководителя студии.

В Москве было голодно и холодно. В молодой советской республике только еще начинался период мирного строительства. В московских театрах ставились: «Узор из роз» Ф. Сологуба, «Зеленое кольцо» З. Гиппиус, «Благовоещение» Клоделя, «Младость» Л. Андреева. Лишь немногие театральные коллективы — первый театр РСФСР В. Э. Мейерхольда, студия Е. Б. Вахтангова — шли в ногу со временем, творили подлинно революционное искусство.

Е. Б. Вахтангов поставил в те годы два программных спектакля: «Чудо святого Антония» (второй вариант, 1921 год) и «Принцесса Турандот» (премьера 28 февраля 1922 года). Комедия Метерлинка и сценическая сказка Гоцци по-новому прозвучали на сцене вахтанговской студии. «Чудо святого Антония» было поставлено в плане социальной сатиры. Средствами острого, скульптурно четкого гротеска Е. Б. Вахтангов показал новому зрителю, пришедшему в театр вместе с революцией, лицо его врага — самодовольной, тупой и ханжеской буржуазии. Совсем иначе поставил Е. Б. Вахтангов «Принцессу Турандот». Легкая, блестящая импровизация, пламенная сказка, полная умной иронии и молодого оптимизма, — таков был этот спектакль, сыгранный в годы тяжелых лишений и великой борьбы. Театр создавал ощущение праздника, дарил своему зрителю радость и улыбку. Это было большое, нужное революционному делу.

И «Чудо святого Антония», и «Принцессу Турандот» ставил смертельно больной человек. Е. Б. Вахтангов знал, что дни его сочтены. У него был рак. На последней репетиции «Принцессы Турандот» Евгений Вагратионович сидел в шубе, его голова была туго стянута мокрым полотенцем, его мучил жар, но он работал, пока спектакль не был окончательно готов. Премьеру «Принцессы Турандот» Е. Б. Вахтангов не

видел. В антракте после первого действия к нему на дом приехал К. С. Станиславский, чтобы поздравить с победой своего лучшего и любимого ученика. Месяц спустя, 31 мая 1922 года, Евгений Вагратионович умер.

Силу духа и ясность творчества дала Вахтангову революция. Он был одним из немногих больших мастеров театра, связавших прочно и навсегда свою личную и творческую судьбу с судьбами нового мира. Революция помогла Вахтангову сказать свое слово в искусстве.

Вахтангов умер. Театру, оставшемуся без руководителя, предстояло воплотить в жизнь его учение. Не все ученики Вахтангова должным образом поняли его заветы. Но молодой театр, неуклонно совершенствуя свое профессиональное мастерство, настойчиво боролся и борется за вахтанговский стиль в сценическом искусстве.

Не сразу театр им. Вахтангова стал передовым советским театром, хотя именно к этому обязывало имя его основателя и руководителя. Театр осуществил ряд постановок, отступавших от принципов, завещанных Вахтанговым. В них не было главного: современности. Или, вернее, была современность, ложно понятая. Вахтанговское много ставили классиков. Но им не удалось раскрыть в классическом произведении вечные и непреходящие ценности, близкие людям нового общества. Нельзя достичь современного звучания спектакля посредством произвольного истолкования старой пьесы. Между тем, пламенная трагедия Шиллера «Коварство и любовь» (1930 год) была искусственно превращена театром им. Вахтангова в «театральную повесть» о маленьких людях; мятежный дух великого немецкого романтика был приглушен, подлинной современности в спектакле не было. Еще хуже получалось, когда театр вообще не мог найти руководящей идеи в постановке большого классического спектакля. Пышная, но поверхностная инсце-

пировка «Человеческой комедии» Бальзака являлась на сцене театра им. Вахтангова лишним доказательством того, что даже самое эффектное зрелище бесплодно, когда оно лишено мысли. Театру часто не хватало вахтанговского умения открыть «внутреннюю сущность» пьесы, его художественное руководство не всегда стояло на высоте передовых идейных позиций социалистической современности. Только этим можно объяснить явно формалистическую постановку «Гамлета» или включение в репертуар печальной памяти «Зойкиной квартиры» М. Булгакова (1926 год) и таких художественно недоброкачественных пьес, как «Авангард» В. Катаева и «Путина» Ю. Слезкина.

Но не эти спектакли определили основное творческое направление театра. Всем нам, зрителям, памятен «Разлом» Лавренева, поставленный вахтанговцами к десятилетию Октября.

Спектакли, подобные «Разлому», показали плодотворность системы Вахтангова. Молодая студия превратилась в мощный театральный организм. Актеры вахтанговской школы стали зрелыми и разносторонними мастерами сцены. В театре нашлись люди, сумевшие возложить работу учеников Вахтангова. Б. Захава, Р. Симонов, В. Щукин и др. — не только превосходные актеры, но и выдающиеся советские режиссеры. Театру предстоял новый большой творческий взлет. Нужен был программный спектакль, утверждающий выработанные театром принципы реалистического мастерства.

Таким спектаклем явился «Егор Булычев и другие» А. М. Горького.

Как бы ни была далека сценическая форма «Булычева» от приемов, найденных Вахтанговым, скажем, в «Принцессе Турандот», мы в праве утверждать, что «Булычев» поставлен несравненно более по-вахтанговски, чем многие формально изощренные спектакли того же театра. Не только

непрезойденная игра Щукина, передавшего всю глубину пьесы Горького, не только исключительный, как говорят, «концертный» ансамбль исполнителей, но и весь замысел спектакля, горьковская рельефность красок, философская глубина постановки, — все создавало единый синтетический образ страшного, обреченного на гибель и тем более жестокого мира собственности и вместе с тем образ кануна революции, чей грозный призрачный встает над домом Булычевых.

После «Булычева» советский зритель ждал от театра им. Вахтангова спектаклей большого масштаба.

Но вахтанговцы пока лишь отчасти оправдали надежды и чаяния зрителя.

За последние годы ими было поставлено несколько пьес советских авторов и одна комедия Шекспира. «Интервенция» А. Ставина, «Аристократы» Н. Погодина, «Далекое» А. Афиногенова — все это хорошие пьесы, сыгранные вахтанговцами добросовестно и поставленные весьма тщательно. Такие блестящие актерские удачи, как исполнение роли Кости-капитана Р. Симоновым или комкора Малько Б. Щукиным, войдут в историю советского театра. Но насколько сильнее прозвучали бы эти же пьесы, если бы вахтанговский театр проявил при работе над ними ту же творческую смелость и инициативу, как в постановках «Разлома» или «Егора Булычева»! Последняя постановка вахтанговцев «Много шума из ничего» В. Шекспира сделана с большим сценическим блеском, но и в ней заметна традиционная «турандотовская» легкость, а Шекспир ведь проще и... глубже.

«Кому много дано, с того много и спросится». Счет советской общественности театру им. Вахтангова остается открытым. У театра есть хорошие актеры и режиссеры, у него есть плодотворная система сценического искусства, обогащенная опытом пятнадцатилетнего творческого пути.

И он должен высоко нести знамя передового советского театра.

Ю. СЕВРУК.